

Дебют

Станислав СОКОЛОВ

САМОУБИЙЦА

Восьмого февраля одна тысяча девятьсот одиннадцатого года, пану Эдуарду Бройеру, парикмахеру Национального пражского театра исполнилось шестьдесят лет. Свой юбилей он решил отметить с актерами и музыкантами оркестра. Как приятно будет ему, думал он, когда они поднимут бокалы за здоровье того, кто тридцать лет помогал им создавать их сценические образы, обеспечил им любовь и поклонение зрителей. Вся труппа будет чествовать его. Сразу после «Проданной невесты»*.

Днем пан Бройер заглянул в кафе «У льва», прикупив там три бутылки «Вдовы Клико» и головку швейцарского сыра. И вот когда овации смолкли, а разгоряченные актеры с букетами наперевес гуськом потянулись за сцену, пан Бройер выкатил им навстречу свой рабочий столик, на этот раз заставленный бутылками вина.

– Прошу, паны и пани! – воскликнул он, – я сегодня юбиляр! Угощайтесь! Шестьдесят лет, как топчу пражскую брусчатку. Половину своей жизни провел рядом с вами, бок о бок!

Пан Бройер задорно улыбался, разливая искрящееся вино в кубки, гамлетовский реквизит, жестами приглашал отведать ароматного сыра, нелепо пытался всучивать бутафорские сосуды в руки, держащие букеты цветов. Но процессия уставших актеров и актрис, флейтистов и скрипачей, галдя, пронеслась мимо него. При этом все же кто-то похлопал его по плечу, а кто-то унес нераспечатанную бутылку «Вдовы», прихватив и тарелку с сыром.

Пан Бройер проводил их растерянным взглядом, даже не поняв, что только что случилось. Он глупо улы-

Станислав Евгеньевич Соколов. Родился в Новосибирске в 1979 г. Окончил Сибирский Университет Путей Сообщения, факультет «Мировая экономика и Право». Женат. Воспитывает дочь и сына. Первый рассказ написал в семь лет. Отдает предпочтение малой прозе.

* «Проданная невеста» – комическая опера чешского композитора Бедржиха Сметаны.

бался им вслед, протягивая в никуда кубок с вином.

И тут появился директор. Пан Христок, его ровесник, подвижный толстячок с широким красным лицом и блестящей белой лысиной, похожей на комок брынзы. С ним вышел какой-то незнакомый молодой щеголь с закрученными усами.

– Пан Бройер! Дорогой мой! – воскликнул пан Христок и, взяв под руку усатого хлыща, подвел его к юбиляру.

– Поздравляю, золотой мой! – теперь директор вцепился в пана Бройера и стал трясти его за плечи, – поздравляю, милейший! Как быстро идут годы! Вот, познакомьтесь: это мсье Андре Вермон, один из парикмахеров Гранд Опера в Париже. Я пригласил его работать к нам, и он любезно согласился. Ты же, друг мой, верно, на покой собрался? Пора ведь и нам, старикам, отдохнуть! Нужно ведь молодым дорогу давать!

Пан Христок опять затряс обомлевшего пана Бройера. А молодой фат растянул в улыбке свои напомаженные усы и протянул вперед узкую кисть, облитую перчаткой терракотового цвета.

– Мое почтение, мсье Бройер, – промурлыкал он, на французский манер исковеркав немецкую фамилию парикмахера.

Пан Бройер в ответ отрешенно посмотрел на бутафорский кубок, который все еще продолжал держать в руке. Не проронив ни слова, он опустошил сосуд и сунул его в перчатку Вермона. Затем взял непочатую бутылку, развернулся и, еле передвигая ноги, поплелся к себе в каморку и заперся там.

«Хоть бы сердце мое остановилось, – подумал он, – хоть бы оно лопнуло, разорвалось на части, не выдержав этого ужаса. Хоть бы умереть мгновенно в своем кресле и не доживать свои дни в позоре и никчемности. Как же теперь жить?».

Случись с ним подобное в молодости, он бы перенес всё иначе. Возможно, даже разобрался бы с фран-

цузским нахалом. Пану директору бы всё высказал в лицо. Но теперь он принял случившееся близко к сердцу. Его жизнь, его работа в театре были перечеркнуты. Уникальное индивидуальное мастерство обесценилось на глазах. Пан Бройер знал, что к своим шестидесяти годам он не потерял ни сноровки, ни чувства вкуса, ни чувства меры, и значит, появление этого Вермона не было вызвано его профессиональным одряхлением. Тут таилось что-то другое. Например, праздное желание директора просто обновить кровь. Или же, говоря языком самого пана Бройера, старые длинные волосы иногда нужно остригать для того, чтобы ускорить рост новых.

«Экспериментов захотелось пану директору! Гранд Опера ему подавай! А опытнейшего парикмахера, который всю жизнь свою отдал работе, списывают со счетов, и ставят вместо него какого-то моложавого проходимца сомнительной наружности! – в ярости думал пан Бройер, – в таком случае, зачем же я столько лет жил и трудился? Кому все это было нужно? В чём был смысл моей работы, коль так всё недостойно завершилось?».

Сердце парикмахера предательски не желало останавливаться. Оно все накачивало и накачивало кровь, все учащало свое биение, но все никак не разрывалось. Здоровья пан Бройер был крепкого и, к сожалению или же к счастью, сердцем никогда не страдал.

Поняв, что жизнь самовольно его не покинет, старый парикмахер решил расстаться с ней принудительно. Выбор способа самоумерщвления оказался недолгим. Стреляться пану Бройеру было не из чего. Вскрытие вен бритвой он посчитал слишком болезненным, небыстрым и неэстетичным. Вешаться посреди своего кабинета – неэтичным. Смерть его должна была наступить скоро и скромно, и по возможности незаметно для окружающих. Посему пан Бройер решил

этой же ночью сброситься во Влтаву с Карлова моста.

Выпив бутылку вина, он в угнетающем смирении стал дожидаться, когда все служащие покинут стены театра.

Вскоре ночь овладела древним городом. Короткое зимнее солнце скатилось за горизонт, бледно подсвечивая флюгеры на остроконечных староместских* крышах. В темно-синем небе мутным пятном зажелтела молодая луна, а ночной туман, бархаткой размазав по февральскому воздуху оранжевый свет фонарей, превратил пражские улицы в ожившие полотна Ван Гога. Из теплых погребков и насиженных трактиров поплелся домой столичный пьяница, затопал единым великаном, от тяжелой поступи которого, испуганно вздрогнула черная Влтава. Какое-то время его многоголосый гул еще разливался над рекой, но затем все стихло. Темная вода, поблескивая чешуйчатой шкурой, беззвучно ползла под арками Карлова моста, на котором Ян Непомуцкий**, в окружении каменных собратьев своих, уже разверз смертельные объятия, ожидая очередного несчастного, решившего в эту зловещую ночь покончить с собой.

В то же время пан Бройер, наконец, решил выйти из своего добровольного заточения, тихонько переступив через порог служебного входа.

– Спокойной вам ночи, пан парикмахер, – недовольно проскрипел старый сторож Вохомурка, запирая за ним дверь.

– Прощайте, – не раздумывая, бросил ему пан Бройер, и, вытащив изо рта размокшую от слюны и потому затухшую папиросу, недоуменно посмотрел на нее.

«Погасла, – подумал он, – совсем как я. Горела, курилась, несла какой-то толк, а потом раз! – и затухла. Превратилась в мятый, никому ненужный огарок».

* Старе место – район Праги, расположенный на правом берегу Влтавы.

** Ян Непомуцкий – чешский католический святой, мученик. В 1393 году был сброшен во Влтаву с Карлова моста по приказу короля Вацлава VI.

Пан Бройер, который целенаправленно пошел топиться, вдруг ясно представил себе, как будет выглядеть его тело после недельного странствия по водам Влтавы. От увиденного образа его перекосило.

– Что, дражайший пан, спички кончились? – донеслось откуда-то слева. Говорящий явно был пьян, голос его звучал как расстроенный рояль.

Пан Бройер вздрогнул.

– Идите сюда, я вам дам прикурить, – издевательским тоном продолжил пьяный призрак, и сипло расхохотался.

– К-кто это? – запинаясь, спросил пан Бройер. Ему подумалось, что сам черт решил сопроводить его до моста. Ведь дело он задумал далеко не богоугодное.

– Кто, кто! – заворчал призрак, – Йозеф Выжралек, собственной персоной.

Глаза пана Бройера судорожно забегали.

– Выжралек? Наш швейцар! – воскликнул он. Это неожиданная встреча его почему-то обрадовала.

– Выжралек! Ваш швейцар! – передразнил его пьяный голос, – надо же, помнит. А радости-то сколько!

Пан Бройер спешно сбежал по ступенькам и кинулся к лавочке возле изгороди, откуда, как ему слышалось, доносился голос нетрезвого Выжралека.

Выжралек сидел на лавке, укутавшись в свое форменное пальто. Картуз был сдвинут на лоб, седая борода всклокочена, кисти рук от холода спрятаны в рукава.

Темное лицо швейцара пан Бройер разглядел с трудом, увидел только, как под козырьком блеснули два круглых глаза, размером с доброе куриное яйцо. Ещё от него пахло водкой и воняло рыбой.

Когда глаза Бройера привыкли к темноте, он уже четко смог различить черты лица Выжралека. Косматая се-

дая борода, толстые блестящие губы, бугристый красный нос, мешки под осоловелыми глазами.

– Добрый вечер, пан Выжралек, – сказал пан Бройер и протянул ему раскрытую ладонь.

Швейцар на это недоуменно икнул и, выпучив свои и без того большие глаза, кое-как выудил руку из пут обшлага, неуверенно взял ею кисть парикмахера и потряс ее.

– Добрый вечер, пан Бройер, коли так...

– Вы говорили, у вас спички есть.

– А спичек нет, – хихикнул Выжралек, – это я пошутил с вами.

– Ну не беда, – вздохнул парикмахер, – можно я присяду к вам?

– Садитесь, – пан Выжралек учтиво подвинулся, хотя места на лавке, не смотря на его мощную фигуру, было хоть отбавляй.

Пан Бройер уселся, поправил пальто и, уставившись в беззвездное небо, подумал о том, как хорошо, что перед тем как покончить с жизнью, он встретил этого Выжралека. Швейцар всю свою жизнь был беззлобен и прост в общении.

– Пан Йозеф, – обратился он к соседу по лавке, вглядываясь в размытую туманом луну, – позвольте спросить, от чего вы так засиделись на улице? Поздно уже и холодно. Почему же вы домой не идете?

– Я, пан Бройер, вас только по фамилии знаю, как величать, вы уж извините, – замялся Выжралек, виновато глядя в глаза пану парикмахеру, – раз уж вы меня по имени...

– Эдуард, – четко произнес Бройер, повернулся к Выжралеку и вновь протянул ему руку, – будем знакомы.

– Да... Будем. Знакомы, – закивал сбитый с толку Выжралек, вновь тряся кисть пана парикмахера, – а я Йозеф. Да. А вы Эдуард.

– А я Эдуард, – подтвердил пан Бройер, – так от чего же вы домой не идете?

Выжралек выпустил из своей огромной и пухлой ладони сухую и крепкую руку парикмахера и, отки-

нувшись на спинку лавки, вытащил из-за пазухи зеленую бутылку.

– Водки хотите? – спросил он, протянув ее собеседнику, – закусить, правда, не чем, было полселетки, да уж извел всю. Перчатки, вот, продал казенные, да решил напиться как следует.

– Да я как бы уже... – промямлил пан Бройер, принимая нагретый сосуд, – только что бутылку вина выпил...

– Ну, тем более, – крикнул Выжралек, – а я из дома ушел. С бабой своей пособачился сегодня вечером. Пришёл навеселе, значит. С дружкой тут с одним в картишки перекинуться успел, и удачно: срубил пять крон. Ну и пропил их почти все. Прихожу домой, а сам ещё с улицы чую, опять эта стерва старая, чтоб ей пусто стало, оглобли свои скипидаром намазала. Вся квартира уже им провоняла. Но я ничего, стерпел. Захожу значит, а она на меня с кулаками. Мол, опять чуть живой пришёл. Мол, все деньги пропиваю, за квартиру платить нечем. Это ей-то нечем: пол-Праги обстирывает каждый день! Ну, я ей две кроны-то оставшиеся в харю и бросил. На, говорю, ведьма, подавись! А она мне в бороду вцепилась и ну её дергать туда-сюда. Вот тут я уже не стерпел, как говорится. Двинул, в общем, ей промеж глаз.

Пан Бройер на этих словах, с ужасом посмотрел на огромные ручищи Выжралека, представив, что случилось с бедной его женой.

– Борода моя, это ж часть мундира. Мне ее вырвать никак нельзя. Ну а после пошёл к Янеку да перчатки казенные на водку и полрыбины обменял. Ночевать у себя в пивной он меня не оставил, паршивец, вот я сюда и приплёлся. Ну, пейте, пан, чего вы её держите?!

Бройер встрепенулся и, вцепившись зубами в пробку, вытянул ее из горлышка.

– И... как ее пить? Без посуды?

– Разболтайте вот так, – швейцар покрутил в воздухе кулаком, – и по-

том сразу опрокидывайте и пейте, сколько влезет. Я вам потом бородой своей дам занюхать.

Выжралек расхохотался.

– Никогда еще не приходилось выпивать вот так, вульгарно, – прошептал пан Бройер, разболтал водку в бутылке и, зажмурившись, сделал два больших глотка.

– Бросьте вы свои барские замашки, пан Эдуард, – зарычал на него Выжралек, – все когда-то приходится делать впервые. Пусть даже и на старости лет.

– Или в последний раз, – просипел пан Бройер, но швейцар его не услышал. Он отнял у парикмахера бутылку и тоже глотнул из неё.

– Ну, занюхивать будете? – спросил Выжралек, и казалось, на этот раз он был серьезен.

– А хотите, я вам ее в порядок приведу? – предложил повеселевший Бройер.

– Кого? – не понял Выжралек.

– Да бороду вашу чудесную, которая часть мундира... Хотя. Вот дьявол! Когда ж теперь?

Пан Бройер неожиданно вспомнил, что вообще-то шёл топиться. И притом бесповоротно.

– А давайте прямо сейчас! – решительно заявил парикмахер.

– Что сейчас? – спросил швейцар, хлопая круглыми глазами.

– Вернемся в театр, я вам бороду вашу помою, подстригу, покрашу, если хотите. Усы закручу. Будете вы, пан Выжралек, как в молодости.

– В театр? – прошептал швейцар, – там же Вохомурка, этот гадкий. Он вмиг полицию позовет, вы что, пан Эдуард! И коротать нам с вами ночь на казенных кроватях!

– А какая разница, пан Йозеф, – весело ответил пан Бройер, – ночевать-то вам всё равно негде, а мне не зачем. Хотя попасть в полицейский участок в моих планах не стояло.

Парикмахер, уже изрядно опьяневший, поднялся с лавки и деловито зашагал перед паном Выжралекком.

– Я бы вас к себе позвал, – вино-

вато произнёс швейцар, – да у меня там старуха с подбитым глазом. Она у меня, что твой гренадёр, росту в ней шесть футов. Вряд ли она нам обрадуется.

– Да я бы вас тоже к себе позвал, – парировал парикмахер, – я вообще один живу.

Тут пан Бройер на секунду задумался, и тяжело вздохнув, продолжил.

– Инструмента у меня дома нет подходящего. А здесь целый стол. Министра из вас сделаю, не меньше.

Он подскочил к швейцару и, схватив его за плечи, начал трясти.

– А? Пан Выжралек! Чего вы этого старого черта Вохомурку испугались? Сунем ему крону на выпивку и в каморку ко мне пройдем. Сядем там, допьём водку вашу, я вас в божеский вид приведу и потом на Карлов мост.

– А на мост-то зачем? – испуганно спросил Выжралек, который хоть и пьян был, но уже начинал сожалеть, что окликнул этого чудаковатого парикмахера с немецкой фамилией.

– На мост? На мост. Зачем нам на мост? – пан Бройер выпрямился, – а! Ну, это мне больше надо. А вы оставайтесь. Ну? Идём?

Пан Выжралек спешно сунул бутылку за ворот пальто и тяжело поднялся с лавки. Парикмахер тут же ухватил его за руку и поволок за собой.

– Вохомурка! – завопил пан Бройер, сопровождая свой крик ударами в дверь, – а ну открывай, старая коряга!

Через несколько минут Вохомурка откликнулся.

– Кто там еще? – послышался старческий скрип с обратной стороны двери.

– Пан Бройер это. Открой, милейший. Забыл я очень важную вещь у себя. Без неё никак мне нельзя.

Вохомурка на это стал долго и грязно браниться, но дверь всё же отпер.

Парикмахер со швейцаром, хохоча, тут же завалились в темный коридор. Бройер обнял ошалевшего сторожа и, сунув ему в руку целую крону, зашептал на ухо:

– Братец, мы посидим у меня много. Ты уж не обессудь. Вот, выпить тебе будет на что. У меня юбилей сегодня. Понимаешь, братец? Позволь последний раз выпить по-человечески.

– Ох, пан Бройер, – недовольно заворчал Вохомурка, – не нравится мне всё это. Стыдно на старости лет такое вытворять! А это кто с вами?

Сторож протянул руку и схватил швейцара за бороду.

– Святые угодники! – тут же воскликнул он, – Выжралек?

– Я, ваше благородие! – хохотнул швейцар, – ну пусти уже, старый бес, видишь все свои.

– Бог с вами, – вздохнул Вохомурка, – проходите. Только не шуметь, песни не орать и электричество не жечь.

– Так точно, пан Вохомурка, – грохнул Выжралек и козырнул в темноте.

– Ну, пошли, значит, – парикмахер взял швейцара под руку и повел его к себе в каморку.

Зайдя внутрь, пан Бройер долго рылся в темноте, гремел и тархтел, пока не отыскал спички и не зажёл свечу.

– Тесновато, – оглядевшись, сказал пан Выжралек.

– Зато все под рукой, – улыбнувшись, ответил пан Бройер и вытащил откуда-то два бутафорских кубка, – садитесь в кресло, пан Йозеф, а я на ящике примощусь.

Швейцар, не снимая пальто, уселся в крутящееся кресло, а парикмахер на потрёпанный деревянный саквояж.

– Я же, пан Йозеф, юбиляр сегодня, – с грустью начал пан Бройер, когда Выжралек наполнил жестяные кубки своей теплой водкой, – точнее уже вчера, – добавил парикмахер, взглянув на настенные часы.

– Да вы что! – швейцар расплылся в хмельной улыбке, – и сколько вам стукнуло, позвольте спросить?

– Шестьдесят, – задумчиво произ-

нес Бройер, – как один день пролетели. Давайте выпьем.

Старики чокнулись гамлетовскими кубками и медленно, с грустью осушили их.

Пан Бройер порыскал по карманам, нашел портсигар и вытащил из него папиросу. Помяв её, он прикурил от свечи.

– Ровно половину лет из них, – выпуская горький дым изо рта, прошептал он, – я отдал этим стенам. Я работал, работал, работал. Все тридцать лет я думал, что занимаюсь великим делом, отдавая себя всего на благо театра и, как мне казалось, на благо нации. А в итоге превратился в безмолвный реквизит.

На этих словах пан Бройер покрутил в воздухе бутафорским кубком.

– Вот в такой же, как эта жестянка. У меня чисто сервильная функция, как сказал мне однажды тенор Палацкий. Мне-то казалось, что это почетно. Так это звучало из его уст когда-то. Что-то важное, с непонятными словами. Эх!

– Чего это вы, пан? – насторожившись, спросил Выжралек, – куда это вас понесло?

– Или вот вы, пан Выжралек, сколько лет подряд вы дверную ручку дергаете? Да здороваетесь, да кланяетесь? А? А зачем все это? Ради чего? Довольны вы своей жизнью?

Тон пана Бройера стал слишком уж серьезным, и швейцар нервно заерзал в кресле.

– А чего ж быть недовольным? – неуверенно ответил он, – вот так поклоняешься и геллеров* в руку насыпят на пару бокалов. Мундир опять же. Чистый стоишь, статный, с людьми важными общаешься.

– Да бросьте вы, – парикмахер махнул рукой, – лакейство всё это. И смысла никакого. Годы прожиты, а толку не нажито.

– Это вы меня сюда за оскорблениями позвали? – вдруг зарычал Выжралек, поднимаясь с кресла.

– Да сидите уже, – пан Бройер тол-

* Геллер – разменная монета. Сто геллеров равняются одной кроне.

кнул товарища в упругий круглый живот, – давайте-ка лучше ещё выпьем.

Швейцар повиновался. Он разлил остатки водки и, не проронив ни звука и не чокаясь, они снова выпили.

В скорбном молчании прошло несколько минут. Пан Бройер все вспоминал довольное лицо директора и нахальную рожу французишки. Пан Выжралек тем временем, разомлев от тепла, уснул.

– Надо же какая досада! – вдруг вскрикнул парикмахер и в сердцах топнул ногой.

Швейцар подскочил в кресле и натужно закричал, делая вид, что не спит.

– Пан Йозеф, родной мой, – промолвил пан Бройер, – давайте в последний раз... я вам бороду вашу... в порядок приведу. И всё!

– Да сбрейте мне ее к чертям собачьим! – неожиданно пробормотал Выжралек, с трудом удерживая веки от смыкания, – раз нету смысла, как вы говорите. В мундире нет, значит и в бороде тоже...

На этих словах Выжралек неудержимо отдался во власть сна, а пан Бройер, с минуту просидев на ящике, вдруг подскочил.

– Милый мой! – воскликнул он, – вы стали моим последним вдохновением! Не зря вы мне видно встретились, ох, не зря! Не плешивый Вохомурка, не лысый как яйцо пан директор. А бородища вот эта! Что за бородища! Ай, да бородища! Целый сноп!

И схватив ножницы, пан Бройер, от удовольствия пританцовывая в профессиональном угаре, вмиг оттапал несчастному швейцару всю его гордость. Заметив, что из-под козырька пана Выжралека тоже топорщатся седые космы, пан Бройер аккуратно снял с его огромной головы картуз и понял что, перед ним кустистые неухоженные брови. Их тут же постигла участь бороды.

Электрический свет, вопреки требованиям сторожа, все же пришлось включить. Пан Бройер картинно ски-

нул с себя пальто, засучил рукава и, взяв жестяную плошку, вспенил в ней мыло большим помазком. Наложив на форменную грудь швейцара накрахмаленное полотенце и бережно подоткнув его края за воротник сорочки, он покрыл до глаз лицо Выжралека белоснежной пеной.

И, наконец, раскрыв бритву и по неистребимой привычке ногтем проверив остроту лезвия, пан Бройер приступил к делу. Вел он себя как художник-импрессионист, отличаясь от последнего лишь тем, что вместо наложения густых мазков, он их убирал. Проведя бритвой под носом швейцара или по подбородку, пан Бройер отходил назад, любуясь проделанным движением.

Вскоре круглое лицо пана Выжралека засияло, и стал он похож на древнегреческое мифологическое существо – сатира. Так он был губаст и носаст. Скулы, надбровные дуги и подбородок также сильно выпирали вперед.

Пан Бройер вытер новое лицо Выжралека полотенцем и умастил его специальной мазью, на что швейцар зашевелил громадным носом и шепотом, расплывшимися губами понес малопонятные ругательства. Затем он опять успокоился и даже начал похрюпывать.

Довольный своей работой пан Бройер уселся на ящик и снова закурил.

Так он просидел несколько минут, представляя, как счастлив будет швейцар Выжралек, проснувшись завтра утром и не узнав себя в зеркале. Может быть, у него даже начнется новая жизнь, ведь кому как не пану Бройеру было известно об исцеляющем эффекте стрижки и смены прически.

И тут ему в голову пришла очень стоящая, по его мнению, мысль.

Через четверть часа уже сам пан Бройер стоял перед своим зеркалом совершенно лысым. Кожа на его неровном черепе, никогда не знавшая бритвы, пылала.

В душе он думал, что вот именно сейчас его жизнь и изменится. Должна измениться. Но, несмотря на то, что пан Бройер был изрядно пьян, трезвые мысли в его голове все же появились. Глядя на свой голый череп, он постепенно осознал, что никаких перемен это практически ритуальное бритье с собой не принесло. Назавтра он проснется все тем же театральным парикмахером, которого уже сегодня отправили на покой. Он с жалостью посмотрел на Выжралека, мирно посапывающего в кресле.

«У швейцара перемены непременно будут, – подумал он, – но только вряд ли положительные. Кто пустит его на работу без бороды? Что же я натворил?».

Влтава, чёрная и гостеприимная Влтава вновь позвала его. Словно изголодавшаяся вдова поманила она его к себе.

«Исчезнуть, совсем и навсегда. Не зря я обрил голову. Если и найдут мой раздувшийся труп, в лысом утопленнике ни за что не узнают пана Бройера. И славно. Незаметно жил, незаметно и помру. Пусть теперь этот Вермон тут выкручивается».

Во второй раз за ночь старый парикмахер покинул стены театра. Он шел в тумане вдоль реки, стараясь шагать смело и благородно, и вскоре преодолев проход через староместскую башню, очутился на мосту, блестящим своей узкой мощеной спиной.

За этим, знаменитым на всю Европу мостом, давно закрепились дурная слава. Одни искали на его парапете смерти от неразделенной любви, другие вглядывались в речную бездну, в надежде найти там покой, третьи хотели навсегда погрязнуть в речном иле, точно также как они грязли в долгах при жизни. Самоубийцам так понравился этот дивный старый мост, построенный Карлом Великим, что пражский муниципалитет однажды обеспокоился этой постоянно растущей любовью и ввел награду за спасение утопающих – целых пятьдесят крон. Но и эта мера не уменьшила

количество желающих свести счеты с жизнью при помощи памятника средневековой архитектуры. Самоубийц, прежде всего, манила грандиозность строения, ведь расставаться они собирались не с протертыми подштанниками, а с собственной драгоценной жизнью. Антураж должен был соответствовать деянию. И хоть жизнь многих ничуть не отличалась от вышеупомянутого элемента нижнего белья, умереть каждый из них, тем не менее, желал с помпой.

Пан Бройер шёл вдоль моста, ведя рукой по каменному парапету. Молодая луна послушно плыла за ним. Могучие памятники, замерев, стояли каждый на своем месте.

«Как сложно, – думал пан Бройер, – добровольно расстаться с жизнью. Вот ты еще живешь, думаешь, дышишь. И затем раз! и нет тебя. А что там? За гранью? Ожидает ли там спасенье и покой? А если там ничего нет? Значит, здесь твоя жизнь должна быть наполнена смыслом, здесь она должна быть оправдана. А если она не оправдана? А если не наполнена смыслом? Зачем тогда всё это? Для того чтобы внести свою скромную лепту в развитие общей истории? Но кто заметит это? Кто оценит? Хорошо если ты рожден великим полководцем, и под себя перекраиваешь географию и пускаешь эту самую историю по новому пути. А если ты всего лишь пушечное мясо этой самой истории, ее несчастный статист, невидимый обитатель закулисья, заурядный человечиска? Убит, ранен, оступился или просто постарел – и вон с поля боя! На тебя сзади уже наступают другие такие же. А твои чувства? А твои страдания? А твои достижения? Кому они интересны?».

Неожиданно одна из застывших фигур на парапете шевельнулась.

«Что за чертовщина! – пронеслось в голове у парикмахера, – видно я лишку хватил».

Пан Бройер остановился и, потерев глаза кулаками, уставился на таинственную статую, чтобы убедить-

ся в ее неподвижности. Но не тут-то было. Статуя вдруг резко пошатнулась и протяжно вздохнула. Тут пан Бройер заметил, что это была единственная фигура на парапете, обнимающая мостовой фонарь.

– Иисус Мария! – прошептал парикмахер и перекрестился.

«Ожившая» статуя вдруг повернула в сторону пана Бройера бледное круглое лицо, печально взглянула на него и немного отклонилась назад, будто готовясь спрыгнуть в реку.

– Да это же человек! – закричал пан Бройер, – вот же черт!

С этими словами парикмахер бросился к стоящему на парапете и ухватил его цепкой кистью за фалду пальто. Несчастный уже достаточно сильно наклонился к реке, и пану Бройеру стоило невероятных усилий вытянуть его обратно. Схватив самоубийцу за ногу, он потащил его вниз, но тот не желая сдаваться, крепко уцепился за фонарный столб. Схватка продолжалась несколько минут. В конце концов, парикмахеру удалось поймать его вторую ногу, и он стал с силой ее дергать. Потеряв равновесие, самоубийца расслабил руки и рухнул на брусчатку как неполный мешок картошки.

– Что же вы? – запыхавшись, спросил пан Бройер и сдвинул шляпу со вспотевшего лба. Он совсем позабыл, что буквально минуту назад сам хотел сделать то же самое.

– Вы в своем уме, милейший?! – закричал спасенный, – что вы себе позволяете?!

Молодому человеку, которого парикмахер только что спас, на вид было двадцать пять – тридцать лет. Лицо он имел какое-то девичье, круглое, без какого-либо намека на щетину. Немного раскосые глаза распухли от слез, а темные блестящие губы нервно вздрагивали. Сцепленные кисти рук его постоянно двигались, будто он мыл их под проточной водой.

– Да как вы смеете?! – воскликнул опешивший пан Бройер, – я же вас только что... того... Вы что пьяны?

Тут пан Бройер склонился к молодому человеку и принялся.

В ответ парень не растерялся и тоже понюхал пана Бройера.

– Да я погляжу, вы тоже любитель пропустить по стаканчику, – ехидно выпалил он.

Возмущению парикмахера не было пределов. Вначале он резко выпрямился, затем также быстро нагнулся и, схватив нахала за рукава, потянул на себя.

– А ну вставай! Он еще смеет мне дерзить, сопляк неблагородный! – зарычал пан Бройер.

– Но-но, папаша! Попрошу без оскорблений, – усмехнулся парень, – позвольте только спросить, куда мы с вами направляемся, и не найдется ли у вас жалкой папироски? Полчаса тут стою, продрог весь от тумана, а папироску не у кого было выпросить.

– Паяц! – бросил парикмахер.

– О, какие мы умные слова знаем! – хохотнул парень.

– В полицейский участок направляемся, – процедил пан Бройер, крепко держа молодого острослова за руки, – там тебе и папироска будет, и огонек найдется.

– Э нет, папаша! – закричал парень, и попытался выкрутиться, – там я уже бывал! Нет интереса с архангелами ночные беседы вести. Ну-ка отпусти!

Между спасителем и спасенным опять завязалась потасовка.

Парень оказался рыхлым и не таким уж и вертким, а пан Бройер не смотря на возраст, показал всю свою цепкость и техничность. Но все же в процессе борьбы с его польсевшей головы слетела шляпа, которую он по понятным причинам не стал подбирать.

Ровно в два часа сорок пять минут ночи, в староместский полицейский участок у Карлова моста ворвались двое запыхавшихся, раскрасневшихся мужчин. Оба они крепко держали друг друга за полы пальто, при этом постоянно пытались вырваться из сковывавших их объятий. Дремавший за письменным столом император-

ско-королевский обер-полицейский Франтишек Мелех, пятидесятилетний мужчина с рябым лицом и бесцветными усами, свисающими до самого подбородка, от неожиданности подскочил и зачем-то дунул в свисток. От резкого звука тут же проснулись двое остальных полицейских: пан Кртышек, дородный детина, спавший стоя у стены и держащий в руке кружку с чаем и полицейский врач, крохотный пан Блатенский, уснувший за соседним столом над пасьянсом.

– Что?! Кто?! Как посмели?! – кричали все трое разом.

– Там!... – задыхаясь, выпалил лысый, и махнул блестящей головой в сторону двери, – там! На мосту... Самоубийца! Спрыгнуть хотел. Я его удержал... стащил вниз.

– Да это я! Я! Я спас его! Пан полицейский! – тут же завопил парень.

Глаза пана Бройера полезли на лоб. Слова во рту стали налетать друг на друга. Ничего вразумительного у него сказать не получилось, тогда он с яростью оттолкнул от себя молодого проходимца. Но тот в свою очередь продолжал держать пана Бройера за пальто. Наконец в дело вмешались пан Кртышек и пан Блатенский. Они отцепили молодого человека от пожилого и усадили их на стулья, напротив стола обер-полицейского.

– Так-то лучше! – произнес пан Мелех и, разгладив обвисшие от сна усы и поправив мундир, вновь сел за стол.

– Как вы говорите ваша фамилия, пан? – спросил он у лысого и обмакнул перо в чернильницу.

– Что? – опешил пан Броейр, – я вам фамилию не называл. Я говорю, там самоубийца вот этот на парапете стоял. Спрыгнуть пытался, а я его задержал.

Пан Мелех крикнул, пошевелил тараканьими усами и повторил вопрос.

– Бройер. Эдуард Бройер. Одна тысяча восемьсот пятьдесят первого года рождения. Служу парикмахером в Национальном театре, – Бройер облокотился на внешний край стола,

умоляюще глядя на пана Мелеха, – пан начальник, ну неужели же я похож на самоубийцу? Ну посмотрите на меня. Кому вы верите?

– Порядок есть порядок, – сухо ответил Мелех, старательно выводя каракули на желтоватом бланке, – а вас как зовут, пан?

– Ян.

– А фамилия?

– Непомуцкий, – с невозмутимым видом ответил спасенный.

Брови пана Мелеха поползли вверх, значительно приподняв козырек фуражки.

– В таком случае, когда ж вы родились, пан Непомуцкий? – спросил обер-полицейский.

– В пятьсот восемнадцатом году, – не моргнув глазом, ответил молодой человек.

Пан Мелех отложил перо в сторону и, откинувшись на спинку стула, скрестил пальцы рук.

– Так-так... – пробормотал он в усы.

– Да, собственно, я и не рождался, как это принято, – продолжил парень с серьезным видом, – меня вот так, как есть, выловили в реке.

Пан Мелех медленно вышел из-за стола и, подойдя к «Непомуцкому», слегка над ним склонился.

– В реке, говорите, выловили? Так-так. А перед этим, извольте спросить, вы в каком заведении свое непорочное зачатие отмечали?

– А это вы вот у этого субъекта спросите, – парень ткнул пальцем в сторону Броейра, – он тоже не прочь был на моих именинах гульнуть.

– Да что он несет?! – в сердцах воскликнул пан Бройер и подскочил со стула, – да я его первый раз вижу! Что б я еще хоть раз кого-то спасти стал! Ну уж нет! Пусть уже топят, идиоты!

– Вы сидите, сидите, – мягко произнес пан Мелех и, положив стальную руку на плечо парикмахера, усадил его обратно. Пошевелив длинным рябым носом, он ухмыльнулся и добавил:

– Да от вас и правда водкой за версту несет, пан... как вас там? Парикмахер.

– Святые угодники! – воскликнул пан Бройер и взмахнул руками, – ну пан начальник! У меня же накануне был юбилей. В театре отмечал, тому есть свидетели. Наш швейцар пан Выжралек, например...

Перед глазами парикмахера вдруг всплыло обритое лицо несчастного швейцара, и он в отчаянии опустил голову.

– Засиделись мы с ним... Ну, а потом я пошел домой. Проход по Карлову мосту бесплатный, вот я и решил через него пройти. А там этот...

Пан Мелех на это опять пошевелил усами и уселся за свой стол.

– Склонен я, уважаемые паны, в данном случае поверить именно почтенному возрасту, – вздохнув, произнес обер-полицейский, – а что касательно вас, пан «Непомуцкий», соизвольте-ка все-таки огласить ваше настоящее имя и дату рождения!

Последнее слово пан Мелех прямо-таки прогавкал.

Молодой человек вздрогнул и, с мгновение помолчав, ответил:

– Гашек Ярослав. Одна тысяча восемьсот семьдесят третьего года рождения.

– Вот так и нужно было начинать, – строго произнес пан Мелех и сильно вытянул гусиную шею, чтобы лучше разглядеть задержанного, – место проживания?

– Смихов*, дом № 1125... – ответил Гашек.

Электрический свет усилил мертвенную бледность его бабьего лица. Нахальная улыбка испарилась с его губ, и теперь он, опустив глаза, монотонно бубнил себе под нос.

– Кем служите?

– Репортером в «Ческе слово».

Пан Мелех на это хохотнул и закачал головой. Усмехнулись и пан Кртышек с паном Блатенским.

– Вероисповедание?

– Католик.

– Подтверждаете, что сегодня ночью перелезли через парапет Карлова моста для того чтобы броситься во Влтаву?

Гашек молчал.

– Ну?

Гашек тяжело вздохнул и закивал головой.

– Что же вас подвигло на такой шаг? – спросил пан Мелех и прокатал промокашку по жёлтому бланку.

– Белый свет опротивел, – Гашек поднял голову и посмотрел на лысого пана Броейра, – крепко повздорил с женой и убежал из дому в приступе ярости...**

– Ох уж эти жёны, – вздохнул Мелех и, поднявшись со своего стула и пару раз тряхнув листком, продолжил, – ну что ж, пан парикмахер, думаю, вы заслуженно получите полагающуюся вам премию в пятьдесят крон. Уж в газеты точно попадете. Особенно в «Ческе слово».

На этом все трое полицейских грохнули единым залпом гомерического хохота. А пана Бройера, который сам не так давно шел топиться во Влтаве, эти слова потрясли. Он совсем забыл, что в таких случаях спасавшего действительно награждали. Он молодецвато выпрямил спину, поднял вверх свое лысое лицо и засиял искривленной улыбкой. Он был невозможно рад, что спас молодому человеку жизнь, да ещё и умудрился заработать на этом. Его охватила непомерная гордость за свой героиче-

* Смихов – район Праги, расположенный на левом берегу Влтавы.

** 9 февраля 1911 года чешский писатель Ярослав Гашек действительно был задержан театральным парикмахером Эдуардом Бройером при попытке сброситься с Карлова моста. В участке он вел себя буйно, но признал, что хотел окончить жизнь самоубийством из-за ссоры с женой. На основании этого на следующий день был отправлен в Институт для душевнобольных, где стал отрицать все ранее им сказанное, сославшись на то, что накануне был сильно пьян и забрался на парапет Карлова моста с целью проверить реакцию окружающих.

ский поступок. В общем человеком он был хорошим, потому и бросился спасать этого несчастного юношу. Все темные мысли о тщетности своего бытия и абсолютной бессмысленности собственной жизни, терзавшие его весь вечер, вдруг улетучились, и блестящую (в прямом смысле слова) голову его заняли совсем иные думы. Казалось, сам Господь направил его в эту ночь на мост. Может быть, именно для этого-то он и жил все шестьдесят лет! И неважно, что репортер этот оказался форменным сумасбродом.

– Распишитесь-ка вот здесь, голубчик, – проговорил пан Мелех и, откашлявшись, протянул протокол пану Бройеру.

Парикмахер с воодушевлением взял листок, поднялся и, подойдя к столу, дрожащей рукой оставил на протоколе размашистый автограф.

– Юбилей, говорите, у вас был? – улыбаясь, спросил пан Мелех, приняв подписанный документ из рук лысого парикмахера.

– Да, пан начальник, – пан Бройер учтиво закивал головой, – шестьдесят лет стукнуло.

– Ну что ж, поздравляю вас с днем рождения, уважаемый пан парикмахер! – обер-полицейский сжал стальной кистью сухую ладонь пана Бройера и, затем повернувшись к Гашеку, добавил, – и вас тоже, пан репортер!

23 марта 2012 г.
